

Научная статья /
Research Article

<https://elibrary.ru/XKNCRH>
УДК 821.112.2.0
ББК 83.3(4Авс)53

ФЕНОМЕНЫ ЦВЕТА И ЗВУКА В ОСЕННЕЙ ЛИРИКЕ ГЕОРГА ТРАКЛЯ

© 2023 г. Е.В. Соколова

*Институт научной информации по общественным
наукам Российской академии наук,
Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 15 сентября 2022 г.

Дата одобрения рецензентами: 26 октября 2022 г.

Дата публикации: 25 сентября 2023 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-3-28-45>

Аннотация: Через призму цветовых и акустических образов в статье исследуются «осенние» стихотворения австрийского поэта Георга Тракля (1887–1914), составляющие значительную часть его лирического наследия. Показано, что в более ранних текстах (преимущественно 1909–1912 гг.) цвет и звук служат поэту прежде всего для разграничения двух пространств, первое из которых связывается им с земной реальностью (природной жизнью, осенним пейзажем), второе же соответствует реальности «иной» (инобытие, смерть). При этом первое характеризуется богатой палитрой красок, звуковым разнообразием; в «ином» пространстве доминирует черно-белая цветовая гамма, тревожная тишина или резкие звуки часто механического характера. В 1913–1914 гг. четкое разграничение двух пространств стирается, а сами пространства перетекают друг в друга и даже сливаются воедино. Цвет и звук как бы «прошивают» их насквозь, соединяют одно с другим. Двойственность уходит из пространства и сосредоточивается в самом образе осени, сочетающей в себе щедрость (обилие плодов) прожитой жизни и умирание, «черное тление», распад. При этом цветовые и звуковые маркеры жизни и смерти остаются прежними, изменяются лишь особенности их употребления: цвет чаще выступает частью сложного образа («голубые крылья вечера»), «темное» стремится стать «черным»; звуки стихают, вытесняемые многозначительной тишиной.

Ключевые слова: немецкая поэзия XX в., лирика экспрессионизма, стихи об осени, цвет в поэзии, звуковая образность, Г. Тракль.

Информация об авторе: Елизавета Всеволодовна Соколова — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Нахимовский проспект, д. 51/21, 117418 г. Москва, Россия.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7098-3589>

E-mail: e.v.sokolova@inion.ru

Для цитирования: Соколова Е.В. Феномены цвета и звука в осенней лирике Георга Тракля // Studia Litterarum. 2023. Т. 8, № 3. С. 28–45.
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-3-28-45>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 8, no. 3, 2023

PHENOMENA OF COLOR AND SOUND IN THE AUTUMN LYRICS BY GEORG TRAKL

© 2023. Elizaveta V. Sokolova

*Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

Received: September 15, 2022

Approved after reviewing: October 26, 2022

Date of publication: September 25, 2023

Abstract: The autumn poems of the Austrian poet Georg Trakl (1887–1914), making up a significant part of his lyrical heritage, may be examined through the prism of color and acoustic imagery. The article shows that in his earlier lyric poems (1909–1912) color and sound serve primarily to distinguish between the two spaces, the first of which associates with the reality (natural life, autumn landscape), while the second corresponds to the places of “otherness” (sleep, death). The first space is characterized by a rich palette and sound diversity; the “other” space is depicted mostly in black and white, full of disturbing silence or sharp mechanical sounds. Later verses from 1913–1914 demonstrate less clear distinction of the two spaces, both flow into each other and even merge into one. Color and sound, as it were, “stitch” them through, connecting one with the other. Duality leaves the space and is now concentrated in the very image of autumn, which combines the generosity (abundance of fruits) of the life lived and dying, “black decay.” At the same time, color and sound markers of life and death remain the same, though their use changes slightly: color often acts now as a part of a complex image (“blue wings of the evening”), “dark” tends to become “black”; sounds subside, replaced by a meaningful silence.

Keywords: German poetry of the 20th century, expressionist lyrics, poems about autumn, color in poetry, acoustic imagery, Georg Trakl.

Information about the author: Elizaveta V. Sokolova, PhD in Philology, Leading Research Fellow, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Nakhimovsky Ave. 51/21, 117418 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7098-358910>

E-mail: e.v.sokolova@inion.ru

For citation: Sokolova, E.V. “Phenomena of Color and Sound in the Autumn Lyrics by Georg Trakl.” *Studia Litterarum*, vol. 8, no. 3, 2023, pp. 28–45. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-3-28-45>

В лирике причисляемого к экспрессионистам австрийского поэта Георга Тракля (1887–1914) картины природы в разные времена года занимают огромное место [7; 9], а в их поэтическом изображении особую роль играют как цвет, так и звук [11; 12]. Из всех известных 260 стихотворений Тракля [13] не менее 27 содержат указания на то или иное время года уже в заглавиях. Прямо называются и/или явственно ощущаются осень, зима, весна или лето в большинстве его стихотворений [11; 14], и даже поверхностная оценка позволяет заключить, что из всего годового цикла наиболее привлекательна для Тракля именно осень [15; 16].

Действительно, к «осенним стихотворениям» (таким, в которых осень называется явно и/или осенний пейзаж служит фоном для восприятий и состояний лирического субъекта) можно причислить едва ли не большинство стихов этого поэта. В первой же его поэтической книге («Стихотворения» / *Gedichte* [15]) осень — важный мотив, а образы осенней природы — особый поэтический язык [7; 11]. К осенним, несомненно, следует отнести и почти все тексты цикла «Осень одинокого» / *Der Herbst des Einsamen*, названного по одному из разбираемых ниже стихотворений. Цикл входит во вторую, изданную посмертно, книгу его стихов («Себастиан во сне» / *Sebastian im Traum* [16]), и ее можно уже назвать «осенней» насквозь — как по образности, так и по преобладающему настроению-состоянию лирического героя¹.

Чтобы не «утонуть» в обширном материале, помимо «Осени одинокого», мы рассмотрим здесь из второй книги только «Шепот предвечерний» / *In den Nachmittag geflüstert* (сентябрь–октябрь 1912 [13, S. 199]), причислен-

¹ Книга составлена из стихотворений, написанных Траклем в основном в последние два года жизни — в 1913–1914 гг.

ный к осенним стихам Г. Кехеле [8, с. 143], и «Покой и молчание» / *Ruh und Schweigen* (осень–зима 1913 [13, S. 230–232]), в котором отечественный германист, профессор Н.С. Павлова (1932–2021) справедливо уловила особое «синкретическое время-состояние осени и черного тления» [2, с. 145]. Но, следуя хронологии, начнем рассмотрение особенностей цвето-звуковой образности осенней лирики Тракля со стихотворений «Осень» / *Herbst* (второе название – «Распад» / *Verfall II*, 1909 [13, S. 185]) и «Осенью» / *Im Herbst*, 1909–1910 [13, S. 191]) из первой книги его стихов.

По форме стихотворение «Осень» представляет собой классический сонет:

Am Abend, wenn die Glocken Frieden läuten,
Folg ich der Vögel wundervollen Flügen,
Die lang geschart, gleich frommen Pilgerzügen,
Entschwinden in den herbstlich klaren Weiten.

Hinwandelnd durch den dämmervollen Garten
Träum ich nach ihren helleren Geschicken
Und fühl der Stunden Weiser kaum mehr rücken.
So folg ich über Wolken ihren Fahrten.

Da macht ein Hauch mich von Verfall erzittern.
Die Amsel klagt in den entlaubten Zweigen.
Es schwankt der *rote Wein* an *rostigen Gittern*,

Indes wie *blasser Kinder* Todesreigen
Um *dunkle* Brunnenränder, die verwittern,
Im Wind sich fröstelnd *blaue Astern* neigen² [15, S. 51].

2 Вечером, когда колокола согласие звонят,
я слежу за чудесными перелетами птиц,
давно сбившихся в стаи, караванами набожных паломников
исчезают они в прозрачных по-осеннему далях. //
Блуждая по сумеречным садам,
я грежу об их более светлой доле
и чувствую: стрелки часов почти не двигаются,
так что я слеую их дорогами над облаками. //
Дуновение заставляет меня дрожать, ощутив распад.

Бросается в глаза, что звук и цвет предстают здесь своего рода «каналами» трансляции образа осени. «Мирный» звон колоколов (die Glocken Frieden läuten), гармонически соответствующий «по-осеннему ясным» пространствам осени (herbstlich klaren Weiten), экспонирует в первом катрене «классический» лирический образ осенней природы (см., например: [6, с. 107–135]) как главную тему. Второй катрен, как и положено в сонете, задает образ, порождающий конфликт. Пространству осени противостоит теперь другое пространство: потусторонняя сумеречная реальность, которая представлена пространствами «сумеречных садов» (dämmervollen Garten), «мечты» (Träum ich) о «более светлой судьбе» (helleren Geschicken), утратой чувства времени, движением над облаками.

В следующем за катренами терцете оба пространства сталкиваются — и «дуновение распада» долетает до лирического субъекта, отчего он ощущает дрожь; звон колоколов схлопывается в «жалобу дрозда» (Amsel klagt), а изначально бесцветная, но потенциально содержащая всю палитру «прозрачная» осень окрашивается в пугающе красные оттенки «красным виноградом» и «ржавыми решетками» (rote Wein an rostigen Gittern).

Сделанный в первом терцете цвето-звуковой выбор разворачивается в последнем как выбор в сторону смерти и разрушения: «Пока подобно бледным детям в хороводе смерти / вокруг *темного фонтана*, разрушаемого непогодой, / на ветру, замерзая, склоняются голубые астры». Действительно, оттеночные эпитеты теперь принадлежат черно-белой гамме — «бледные дети» (blasse Kinder), «темные фонтаны» (dunkle Brunnenränder), а единственный выпадающий из нее цвет — голубой (синий) — занимает в немецкой поэзии особое место [10]: в частности, в сочетании с цветком (здесь это астра) дает отсылку к одному из сквозных образов немецкой романтической поэзии («голубому цветку»), одновременно показывая, что романтический идеал устремленности в сферы духа замерзает и клонится вниз в ожидании скорой гибели.

Дрозд жалуется среди ветвей безлистных.
 Качаются красные виноградные гроздья на ржавых решетках. //
 Пока, подобно бледным детям в хороводе смерти
 вокруг темного фонтана, разрушаемого непогодой,
 на ветру, замерзая, склоняются голубые астры.
 (Подстрочный перевод мой. — Е.С.)

Оставаясь единственным цветовым пятном в нарисованном Траклем сумеречном пейзаже, его «голубые астры» отчетливо перекликаются с «маленькой астрой» Готфрида Бенна (1986–1956), также стоявшего у истоков немецкого экспрессионизма. В одноименном бенновском стихотворении из цикла «Морг» (1912) «темно-светло-лиловая астра» (eine dunkelhellila Aster) сконцентрировала в себе всю сохранившуюся здесь и сейчас жизнь среди распада мертвых тканей чернокожего покойника в декорациях патологоанатомического вскрытия. Чья астра — Тракля или Бенна — первой вступила в противостояние с распадом и смертью, с полной уверенностью сказать трудно, хотя вполне однозначная датировка «Осени» 1909 г. [13, S. 185, 246] позволяет предположить, что Траклю его «голубые астры» явились все-таки раньше, и если влияние (а не просто синхронность) в данном случае имело место (что вообще-то сомнительно), то, скорее уж Тракль повлиял на Бенна, чем наоборот³.

В стихотворении «Осенью» / *Im Herbst*, появившемся в первых редакциях также в 1909 г., в последней — в июне 1910 г. [13, S. 191], обнаруживаем похожую цвето-звуковую динамику:

Die *Sonnenblumen leuchten* am Zaun,
Still sitzen Kranke im *Sonnenschein*.
Im Acker mühn sich singend die Frau'n,
Die Klosterglocken läuten darein.

Die Vögel sagen dir ferne Mär',
Die Klosterglocken läuten darein.
Vom Hof tönt sanft die Geige her.
Heut keltern sie den *braunen Wein*.

3 «Эта дерзкая “маленькая астра” могла бы стать полной противоположностью “голубым астрам” Г. Тракля, символизирующим гибель в сонете поэта “Распад” (“Verfall”, 1913), если бы К. Пинтус посчитал необходимым включить в “Menschheitsdämmerung” этот сонет» [4, с. 245], — замечает один из ведущих отечественных специалистов по немецкому экспрессионизму профессор Н.В. Пестова, вскользь сопоставляя включенное в названную антологию («Сумерки человечества») стихотворение Г. Бенна «Маленькая астра» с траклевской «Осенью» (=«Распад»), которую, правда, сопровождает в качестве датировки годом выхода книги стихов [15] — 1913 г., — невольно допуская тем самым обратное влияние (Бенна на Тракля).

Da zeigt der Mensch sich froh und lind.
 Heut keltern sie den *braunen Wein*.
 Weit offen die Totenkammern sind
 Und schön *bemalt vom Sonnenschein*⁴ [15, S. 15].

И хотя здесь почти нет собственно цвета (в основном он остается непроявленным, «потенциальным», и сводится к «солнечным проявлениям» — подсолнухам, сиянию, свету), зато разнообразна звуковая метафорика: в обрамлении солнечного света как бы происходит диалог всеобъемлющего звона колоколов (*die Klosterglocken läuten*) с другими звуками — голосами женщин, птиц, скрипок. Он-то и рождает как будто цвет нового вина — хотя и не угрожающе-красный, как в предыдущем стихотворении, но «коричневый» (*brauner Wein*). Поначалу кажется, что цвет этот тоже «солнечный» — цвет загара, — однако рисунок света на распахнутой двери в морг показывает, что здесь, как и в предыдущем стихотворении, все же приоткрыто другое измерение — пространство смерти, — и «коричневый» цвет связан скорее с ним.

Обманчиво и умиротворяюще впечатление, которое производит по началу стихотворение «Шепот предвечерний» / *In den Nachmittag geflüstert*, написанное несколько позднее — в конце сентября — начале октября 1912 г. — и впервые опубликованное в журнале «Бреннер» 1 ноября того же года [13, S. 199]. В нем поражает обыденность, даже банальность смерти, которая встроена в идиллическую картину осеннего пейзажа наряду с другими, вполне традиционными его элементами — мягким, «робким» солнечным светом, обилием плодов, тишиной, чистой синевою неба, ощущением покоя:

4 Подсолнухи пылают у забора,
 Больные греются на солнце во дворе.
 Жнут женщины в полях под песни споро,
 Колокола звонят в монастыре. //
 В деревьях птицы распевают саги,
 Колокола звенят в монастыре.
 Работникам полно вина и браги.
 Звучат задорно скрипки во дворе. //
 И радостны, и кротки нынче парни:
 Они давили красное вино.
 А рядом дверь распахнута в трупарню,
 И солнцем разрисовано окно.

(Пер. Ю. Куимова. URL: <https://stihi.ru/2011/08/12/8472> (дата обращения: 01.09.2022)).

Sonne, herbstlich dünn und zag,
Und das Obst fällt von den Bäumen
Stille wohnt in *blauen Räumen*.
Einen langen Nachmittag.

Sterbeklänge von Metall;
Und ein *weißes Tier* bricht nieder.
Brauner Mädchen rauhe Lieder
Sind verweht im Blätterfall.

Stirne Gottes Farben träumt,
Spürt des Wahnsinns sanfte Flügel.
Schatten drehen sich am Hügel
Von Verwesung *schwarz* umsäumt.

Dämmerung voll Ruh und Wein;
Traurige Guitarren rinnen.
Und zur milden Lampe drinnen
Kehrst du wie im Traume ein⁵ [15, S. 46].

Поскольку природа в этом тексте (как и вообще в лирике экспрессионизма) не является ни «местом покоя и утешения», ни «объектом поэтиче-

5 Солнце вялый свет свой льет
Робко в синеве осенней.
Тишь царит в пространстве теней,
Падает с деревьев плод. //
Звуки смерти шлет металл;
Белый зверь без сил свалился.
Песни девушки, как листья,
Ветер в небе разметал. //
Бог глядит цветные сны,
Крылья бреда чует в тлене.
Над холмом кружатся тени,
Тлением окаймлены. //
Тишь и сумрак — кровь в вине,
Источает грусть гитара.
Тихо к свету лампы старой
Ты склонился, как во сне.

(Пер. Ю. Куимова. URL: <https://stihi.ru/2021/06/25/3908> (дата обращения: 01.09.22)).

ского созерцания», она превращается в кулису, «на которую проецируются экзистенциальные состояния изолированной, отчужденной личности» [4, с. 261], в декорации, где будет разворачиваться грядущая индивидуальная катастрофа лирического субъекта и одновременно катастрофа всеобщая.

Цвет и звук здесь вновь отделяют живое от мертвого, безвозвратно отжившее от способного еще вернуться к жизни. Жизни в высоком смысле полны «голубые пространства» первой строфы, где проживается долгий осенний день, богатый плодами. Во второй строфе — через «мертвящие металлические звуки» (*Sterbeklänge von Metall*) — как и прежде, задается пространство смерти: в нем обитают как пугающий «белый зверь», так и вполне земные «коричневые» (*braun*) девушки с их «грубыми» (*rauh*) песнями. Разделение на живое и мертвое радикализируется в следующей строфе, в том числе через противопоставление цветового разнообразия черно-белой гамме: с одной стороны, «чело божественных красок», с другой — «черное тление». Однако в последней, четвертой, строфе оппозиция неожиданно снимается через обращение к пространству внутреннему — свету «мягкого светильника внутри» (*milde Lampe drinnen*): «ты» обращаешься к нему снова, «словно во сне» (*wie im Traume*), в ответ на «грубые песни» окружающей действительности. За счет разрешения оппозиции «градус оптимизма» в «Шепоте предвечернем» несколько выше, чем в других «осенних» стихах Тракля, что сближает его со стихотворениями о весне — не только «классическими» (Гёте, Гёльдерлин и др. [5, с. 14–16]), но и экспрессионистскими (включая «весенние» стихи самого Тракля).

В датируемой сентябрем–октябрем 1912 г. «Просветленной осени» / *Verklärter Herbst* [13, S. 246] цвет и звук вновь служат разграничению жизни и смерти, «земного» и «небесного», хотя здесь граница оказывается уже весьма зыбкой. Последнее «золотое вино» в первой строфе перекликается с «синей рекой» в последней, а «чудесное молчание лесов вокруг» сменяется «долгим и тихим колокольным звоном» во второй строфе, где крестьянин, подобно Богу, оценивает сотворенное: «Это хорошо» (*Es ist gut*).

Gewaltig endet so das Jahr
 Mit goldnem Wein und Frucht der Gärten.
 Rund *schweigen Wälder* wunderbar
 Und sind des Einsamen Gefährten.

Da sagt der Landmann: Es ist gut.
Ihr Abendglocken lang und leise
Gebt noch zum Ende frohen Mut.
Ein Vogelzug grüßt auf der Reise.

Es ist der Liebe milde Zeit.
Im Kahn den blauen Fluß hinunter
Wie schön sich Bild an Bildchen reiht –
Das geht in *Ruh und Schweigen* unter⁶ [15, S. 29].

Полная определенного оптимизма (не «весеннего», рождаемого надеждой, но связанного с удовлетворением от обилия плодов, богатого урожая) «Просветленная осень» умиротворенно растворяется в «покое и молчании» (Das geht in *Ruh und Schweigen* unter) в последней строфе, по ассоциации переключая наше внимание на несколько более позднее стихотворение Г. Тракля, которое тоже можно условно причислить к «осенним». Оно так и называется «Покой и молчание» / *Ruh und Schweigen*, входит во вторую книгу его стихов [16] и по косвенным признакам датируется сентябрем–декабром 1913 г. [13, S. 230–232]. С этого текста, написанного уже в форме верлибра, начинается один из поздних поэтических циклов Тракля — «Семикратный напев смерти» / *Siebengesang des Todes*, как переводит его название один из крупнейших отечественных специалистов в области теории и истории русской лирики С.Н. Бройтман (1937–2005) в соавторстве с Н.С. Павловой [1]. Примечательно, что звуковые образы, столь яркие

6 С вином закончен добрый год,
С плодом, с обильем урожая...
В безмолвье чудный лес встает,
Как спутник, друга провожая. //
Крестьянин скажет: благодать!
Как зов, вечерний звон протяжный;
И птицы радость передать
Спешат на юг армадой важной. //
Пора любви. И в тишине,
Где лодки так легко скользенье,
Плывет по голубой волне
За отраженьем отраженья.

(Пер. Ю. Куимова. Под заглавием «Блаженная осень».

URL: <https://stihi.ru/2018/08/16/6815> (дата обращения: 01.09.22)).

и значимые в более ранних стихотворениях Тракля об осени, практически отсутствуют в этом тексте — как будто весь звук переместился в название цикла, обеспечивая то самое «семикратное» умножение «напева смерти».

Однако цветовые образы протраивают в этом стихотворении поэтически значимую линию. Г. Цвершина специально выделяет во многих стихотворениях названного цикла мотив «голубого цветка» (*blaue Blume*) [13, S. 231] — романтического образа, восходящего к Новалису. «Священное голубых цветов» (*das Heilige blauer Blumen*) занимает центральную позицию — в середине третьей трехстрочной строфы — и находится в обнаруженной С.Н. Бройтманом и Н.С. Павловой связи с «голубым кристаллом» (*im blauen Kristall*) и «бледным человеком» (*der bleiche Mensch*) из второй строфы (связи, поддержанной звукописью) [1]. Кажется, именно «бледному человеку» надлежит делать выбор между «голубым кристаллом» и «пурпурным сном» (*in purpurnem Schlaf*), и он склоняется к последнему, тем самым задавая и цветовую гамму последних двух строф: в обеих присутствует черный цвет — в третьей «черный полет птиц» контрастирует со «священным голубых цветов» под молчание «гаснущих ангелов»; а в четвертой «сияющий юноша» то ли сам представляется «сестрой» осенью, то ли ему «является сестра осенью в черном тлении»:

Hirten begruben die Sonne im kahlen Wald.
Ein Fischer zog.
In härenem Netz den Mond aus frierendem Weiher.

In *blauem Kristall*
Wohnt der bleiche Mensch, die Wang' an seine Sterne gelehnt;
Oder er neigt das Haupt in *purpurnem Schlaf*.

Doch immer rührt der *schwarze Flug der Vögel*
Den Schauenden, *das Heilige blauer Blumen*,
Denkt die nahe Stille Vergessenes, erloschene Engel.

Wieder nachtet die Stirne in mondenem Gestein;
Ein strahlender Jüngling
Erscheint die Schwester in Herbst und *schwarzer Verwesung*⁷ [16, S. 40].

Как бы то ни было, в последней строке осень неразрывно соединяется с «черным тлением» (*schwarze Verwesung*) в «синкретическом времени-состоянии осени и черного тления» [2, с. 145], в котором совершится (или не совершится) превращение в лучезарного «нового человека», «прекрасного и сияющего», остававшегося одним из главных идеалов поэзии экспрессионизма [4, с. 225]. В первом случае наступит весна, несущая возрождение; во втором — распад, разложение и смерть, причем последнее может произойти незаметно.

И если в первых стихотворениях полюса двойственности были разведены поэтом по двум разным пространствам (в том числе при помощи цвета и звука), одно из которых — пространство осени, характеризующееся нередко кристальной синевой и ясностью, а второе — лишенное цвета, черно-белое пространство потустороннего, — то в стихотворениях 1913 и 1914 гг. пространство нередко едино, а двойственность вмещается в сам образ осени, которая, с одной стороны, проявляется как щедрая полнота состоявшейся, богатой плодами жизни, с другой — как умирание, разложение, «черное тление». Как, например, в написанном в конце весны — начале лета 1913 г. [13, S. 140] стихотворении «Осень одинокого» / *Der Herbst des Einsamen*, давшем название целому «осеннему» циклу:

7 Солнце схоронили в лысом лесу пастухи.
Рыбак вытягивает месяц
Волосяною сетью из озябшего пруда. //
В голубом кристалле
Живет бледный человек, щеками прислонившись к звездам;
порою он склоняет голову свою в пурпурный сон. //
Но все же стая черных птиц тревожит
Созерцающего, святого голубых цветов,
Предчувствует забвенья тишину померкший ангел. //
В камнях лунных вновь чело ночует;
Вот юноша, сияющий в лучах,
Является сестра — в осеннем сне и черном тленьи.

(Пер. Ю. Куимова. Под заглавием «Покой и безмолвие». URL: <https://stihi.ru/2021/06/25/3908> (дата обращения: 01.09.22)).

Der *dunkle Herbst* kehrt ein voll Frucht und Fülle.
Vergilbter Glanz von schönen Sommertagen.
Ein *reines Blau* tritt aus verfallner Hülle;
Der Flug der Vögel tönt von alten Sagen.
Gekeltert ist der Wein, die milde Stille
Erfüllt von leiser Antwort dunkler Fragen.

Und hier und dort ein Kreuz auf ödem Hügel;
Im *roten Wald* verliert sich eine Herde.
Die Wolke wandert übern Weiherspiegel;
Es ruht des Landmanns ruhige Gebärde.
Sehr leise rührt *des Abends blauer Flügel*
Ein Dach von dürrer Stroh, die *schwarze Erde*.

Bald nisten Sterne in des Müden Brauen;
In kühle Stuben kehrt ein still Bescheiden
Und Engel treten leise aus den *blauen*
Augen der Liebenden, die sanfter leiden.
Es rauscht das Rohr; anfällt ein knöchern Grauen,
Wenn *schwarz der Tau tropft* von den kahlen Weiden⁸ [16, S. 38].

8 Вступает Осень тучная багово,
Плодами лета медно обрастая.
Исходит синь из сникшего покрова.
Легендой отлетает птичья стая.
Вино созрело, в тишине готова
Открыться кротко тайна непростая. //
Безлюдный холм в крестах. Стада у кручи
Теряются в багряной дымке бора.
Над зеркалом озерным бродят тучи;
Крестьянин тих в безмолвии простора,
И синий вечер, клейкий и тягучий,
Крылом соломы крыш коснется скоро. //
В бровях уставших звезды свили гнезда;
В гостиных холод тихо скромность холит,
И ангелы из глаз любимых слезно
Стремятся к сердцу, истомив до боли.
Шуршит тростник, костлявый ужас грозно
С лозы росую черной каплет в поле.

(Пер. Ю. Куимова. URL: <https://stihi.ru/2021/06/25/3908> (дата обращения: 01.09.22)).

В первой строфе стихотворения осень, хоть и «темная», является как щедрая «полнота» в сопровождении знакомых уже (например, по «Шепоту предвечернему») сигналов умиротворения: изобилие плодов, чистая синева, созревшее вино, «мягкая» тишина, которая обещает к тому же ответы на «темные» вопросы в последней строке. Цвет и звук здесь не разделяют пространство на два противопоставленных друг другу (как мы это видели в «Осени» или «Осенью»): оба как будто слились в одно, связанное воедино двойственным образом осени.

В первой строфе «Темная осень» в начале и «темные вопросы» в конце с двух сторон овеивают темнотой «пожелтевший блеск прекрасных летних дней» (строка 2) и «чистую синеву», выступившую из «обветшавшей оболочки» (строка 3). А «тихие» ответы шестой строки вырастают из «мягкой тишины» пятой, которая приходит на смену «птичьему полету, звучащему древними преданиями» (строка 4). То есть уже первая строфа построена на своеобразной внутренней диалектике цвета (строки 1–3) и звука (строки 4–6), порождающей «тихие ответы на темные вопросы» (строка 6), которые составляют для лирического субъекта «полноту осени» (строка 1).

Во второй строфе цвет достигает максимума интенсивности в диссонансном образе «красного леса» (строка 2), который «разрешается» в возвышенные «синие крылья вечера» (строка 5) и трагическую «черную землю» (строка 6). Звук подчеркнуто приглушен: дважды назван «покой» как характеристика человека (крестьянина) и его движений (строка 4) и соприкосновения соломенной крыши с «синими крыльями вечера» и «черной землей» (строка 5). То есть тишина соединяет несоединимое — небо в его возвышенной синеве (строка 5) и землю со всей ее чернотой (строка 6), — словно подтверждая открытую в первой строфе возможность постижения некоей темной тайны.

В третьей строфе цвет угасает. Из «голубых глаз любящего» (строки 3–4) выходят ангелы (строки 4–5); мрачные, лишённые собственной яркости «коричневый» (braun) и «серый» (grau) неявно просвечивают через Brauen (брови) и Grauen (ужас) в строках 1 и 5, а об окончательной победе черно-белой гаммы над разнообразием осенней палитры свидетельствует повтор «черного» в последней строке: «Когда черным капает роса с холодных ив» (строка 6). При этом тишину — «тихо выходят ангелы» (строка 3) — тревожит лишь шуршание тростника (строка 5), а

значит, никакой голос так и не зазвучал: «темные вопросы» остались без различимых ответов...

Итак, на примере нескольких стихотворений из первой и второй поэтических книг Г. Тракля мы показали, что цвет и звук в «осеннем стихотворении» 1909–1912 гг. служат поэту прежде всего для разграничения двух пространств: первого, связываемого с земной реальностью (в частности с природной жизнью) и содержащего потенциальную возможность преобразования (кристальная синева, ясность, прозрачность), и «иногое», соответствующего реальности инобытия (сон, смерть). Насыщенность цвета и звуковое разнообразие (включая звучание голосов) характеризуют первое, «пространство жизни»; черно-белая цветовая гамма, тревожная тишина, резкие неприятные звуки, особенно механического характера — антагонистичное ему «иноое» пространство. Исключения составляют «тишина» (молчание) и «синева», «колокольный звон», солнечный свет и некоторые другие маркеры. Как элементы небесного или как обобщающие категории, содержащие все мыслимое многообразие цвета и звука в потенциальности, они могут проявляться в обоих пространствах и являются точками соприкосновения живого с «иным».

Позднее (в стихотворениях 1913–1914 гг.) четкое разграничение пространств реальности и инобытия размывается (последнее при этом все явственнее коррелирует со смертью): пространства множатся, переходя одно в другое, сливаются воедино. Цвет и звук как бы «прошивают» их насквозь, соединяют одно с другим. Покинув пространственные измерения, двойственность сосредоточивается в самом образе осени, которая теперь сочетает в себе богатство жизни (плоды, вино) и умирание, «черное тление», распад. Цветовые и звуковые маркеры жизни и смерти остаются прежними, слегка изменяются лишь особенности их употребления: самостоятельных цветовых и звуковых эпитетов как будто становится меньше; цвет все чаще выступает как составляющая сложного образа («голубые крылья вечера», «черный полет птиц» и др.), «темное» стремится стать «черным»; звуки умолкают, вытесняемые многозначительной тишиной и молчанием.

И если в более ранних стихотворениях обнаружение рядом иной реальности казалось внезапным и пугающим (как, например, в стихотворении «Распад II» — через открытую дверь в подвал с трупами), то позднее соседство гибели и распада как будто уже не шокирует лирического субъекта: его

удивляют, скорее, по-прежнему полные цвета и звука ландшафты и поющие живые голоса в диффузно захваченной смертью единой реальности.

Клиническому психологу такая динамика осенней образности, прослеженная здесь через цвет и звук, могла бы, скорее всего, сообщить о нарастающем стремлении к смерти (мортидо) у автора стихотворений. Действительно, Георг Тракл, с началом Первой мировой войны мобилизованный в австро-венгерскую армию и служивший в полевом госпитале в Галиции, к концу своей последней осени сам оказался в больнице г. Кракова, где 3 ноября 1914 г. покончил с собой, приняв смертельную дозу кокаина.

Список литературы

Исследования

- 1 *Бройтман С.Н., Павлова Н.С.* «Покой и молчание» Г. Траkla: к вопросу о неклассическом типе художественной ситуации и неканоническом жанре // Дергачевские чтения – 2000. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: материалы междунар. науч. конф., Екатеринбург, 10–11 октября 2000 г. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001. Ч. 2. С. 369–374.
- 2 *Павлова Н.С.* Природа реальности в австрийской литературе. М.: Языки славянской культуры, 2005. 312 с.
- 3 *Пестова Н.В.* Лирика немецкого экспрессионизма: профили чужести. Екатеринбург: [Б. и.], 1999. 463 с.
- 4 Пoesия сумерек, или Симфония человечества: Новые прочтения и интерпретации антологии «Сумерки человечества». М.: Культурная революция, 2022. 352 с.
- 5 *Соколова Е.В.* «Весна» в немецкой поэзии: надежда, радость, новое рождение? // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. 2022. № 2. С. 9–21. DOI: 10.31249/lit/2022.02.01
- 6 *Шохина Е.В.* Семантика времен года в поэзии пушкинской поры: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2017. 160 с.
- 7 *Blass R.* Die Dichtung Georg Trakls. Von der Trivialsprache zum Kunstwerk. Berlin: E. Schmidt, 1968. 251 S.
- 8 Dank den Jahreszeiten. Die Jahreszeiten in deutschen Gedicht / Hrsg. v. Kächele H. Berlin: Verlag der Nation, 1962. 252 S.
- 9 *Doppler A.* Die Lyrik Georg Trakls: Beiträge zur poetischen Verfahrensweise und zur Wirkungsgeschichte. Salzburg: O. Müller, 2001. 198 S.
- 10 *Overath A.* Das andere Blau. Zur Poetik einer Farbe im modernen Gedicht. Stuttgart: Metzler, 1987. 233 S.
- 11 *Rogers M.* Trakl's Imagery // Londoner Trakl-Symposion / Hrsg. v. W. Methlagl. Salzburg: O. Müller, 1981. S. 33–46.

- 12 Wetzell H. Klang und Bild in den Dichtungen Georg Trakls. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1968. 195 S.
- 13 Zwerschina H. Die Chronologie der Dichtungen Georg Trakls. Innsbruck: Institut für Germanistik, Univ., 1990. 270 S.
- 14 Zyklische Kompositionen in Georg Trakls Dichtungen. Szegeder Simposion. Tübingen: M. Niemeyer Verlag, 1996. 299 S.

Источники

- 15 Trakl G. Gedichte. Leipzig: K. Wolf Verlag, 1913. 65 S.
- 16 Trakl G. Sebastian im Traum. Leipzig: K. Wolf Verlag, 1915. 88 S.

References

- 1 Broitman, S.N., and N.S. Pavlova. “‘Pokoi i molchanie’ G. Traklia: k voprosu o neklassicheskom tipe khudozhestvennoi situatsii i nekanonicheskom zhanre” [“‘Peace and Silence’ by G. Trakl: On the Issue of a Non-classical Type of Artistic Situation and a Non-Canonical Genre”]. *Dergachevskie chteniia – 2000. Russkaia literatura: natsional’noe razvitiie i regional’nye osobennosti: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Ekaterinburg, 10–11 oktiabria 2000 g.* [Dergachev Readings – 2000. Russian Literature: National Development and Regional Features: Materials of the International Scientific Conference. Yekaterinburg, October 10–11, 2000], part 2. Yekaterinburg, Ural University Publ., 2001, pp. 369–374. (In Russ.)
- 2 Pavlova, N.S. *Priroda real’nosti v avstriiskoi literature* [The Nature of Reality in Austrian Literature]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul’tury Publ., 2005. 312 p. (In Russ.)
- 3 Pestova, N.V. *Lirika nemetskogo ekspressionizma: profili chuzhesti* [Lyrics of German Expressionism: Kinds of Strangeness]. Yekaterinburg, [S. n.], 1999. 463 p. (In Russ.)
- 4 *Poeziia sumerek, ili Simfoniia chelovechestva: Nove prochteniia i interpretatsii antologii “Sumerki chelovechestva”* [The Poetry of Twilight, or the Symphony of Mankind: New Readings and Interpretations of the Anthology “The Twilight of Mankind”]. Moscow, Kul’turnaia revoliutsiia Publ., 2022. 352 p. (In Russ.)
- 5 Sokolova, E.V. “‘Vesna’ v nemetskoii poezii: nadezhda, radost’, novoe rozhdienie?” [“‘Spring’ in German Poetry: Hope, Joy or Revival?”]. *Sotsial’nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura. Seriia 7: Literaturovedenie*, no. 2, 2022, pp. 9–21. DOI: 10.31249/lit/2022.02.01 (In Russ.)
- 6 Shokhina, E.V. *Semantika vremen goda v poezii pushkinskoi pory* [Semantics of the Seasons in the Poetry of Pushkin’s Time: PhD Dissertation]. Voronezh, 2017. 160 p. (In Russ.)
- 7 Blass, Regine. *Die Dichtung Georg Trakls. Von der trivialsprache zum Kunstwerk*. Berlin, Erich Schmidt Publ., 1968. 251 S. (In German)

- 8 *Dank den Jahreszeiten. Die Jahreszeiten in deutschen Gedicht*, Hrsg. von Heinz Kächele.
Berlin, Verlag der Nation, 1962. 254 S. (In German)
- 9 Doppler, Alfred. *Die Lyrik Georg Trakls: Beiträge zur poetischen Verfahrensweise und zur
Wirkungsgeschichte*. Salzburg, Otto Müller, 2001. 198 S. (In German)
- 10 Overath, Angelika. *Das andere Blau. Zur Poetik einer Farbe im modernen Gedicht*.
Stuttgart, Metzler, 1987. 233 S. (In German)
- 11 Rogers, Michael. "Trakl's Imagery." *Londoner Trakl-Symposion*, Hrsg. von Walter
Methlagl. Salzburg, Otto Müller, 1981. S. 33–46. (In German)
- 12 Wetzel, Heinz. *Klang und Bild in den Dichtungen Georg Trakls*. Göttingen, Vandenhoeck
und Ruprecht Publ., 1968. 195 S. (In German)
- 13 Zwerschina, Hermann. *Die Chronologie der Dichtungen Georg Trakls*. Innsbruck, Institut
für Germanistik, Univ. Publ., 1990. 270 S. (In German)
- 14 *Zyklische Kompositionen in Georg Trakls Dichtungen. Szegeder Simposion*. Tübingen,
Max Niemeyer Verlag, 1996. 299 S. (In German)